ЕВГЕНИЙ ПЛОТНИКОВ

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО.

ИНСТРУКЦИЯ ПО ЭКСПЛУАТАЦИИ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

21 РАССКАЗ
ОДНА БОЛЬШАЯ ТЕМА —
ЧЕЛОВЕК.

Евгений Плотников

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО. Инструкция по эксплуатации

https://litres.ru/74717033
SelfPub; 2026

Аннотация

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО. ИНСТРУКЦИЯ ПО ЭКСПЛУАТАЦИИ

21 рассказ. Одна большая тема — человек.

Человечество научилось покорять космос, создавать искусственный интеллект и строить цивилизации. Оно изобрело любовь, религию, деньги, войны и бесчисленное количество способов сделать собственную жизнь невыносимой. Но за тысячи лет так и не разобралось, как правильно пользоваться самим собой.

Что произойдёт, если люди станут абсолютно счастливыми? Можно ли купить чужую память? Почему Бог решил уйти на пенсию? И кто возьмётся защищать человечество на суде других цивилизаций?

Двадцать один рассказ — двадцать один взгляд на человеческую природу. Фантастика, сатира, мистика, философия и абсурд переплетаются в историях о наших страхах, надеждах, пороках и странностях.

Возможно, после прочтения вы лучше поймёте человечество. А возможно, просто убедитесь, что с нами что-то не так.

Инструкция прилагается. Правда, есть подозрение, что её никто никогда не читал.

Содержание

АННОТАЦИЯ 6
СОДЕРЖАНИЕ 7
Конец ознакомительного фрагмента. 83

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО. Инструкция по эксплуатации

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО
Инструкция по эксплуатации
21 рассказ

АННОТАЦИЯ

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО. ИНСТРУКЦИЯ ПО ЭКСПЛУАТАЦИИ

21 рассказ. Одна большая тема — человек.

Человечество научилось покорять космос, создавать искусственный интеллект и строить цивилизации. Оно изобрело любовь, религию, деньги, войны и бесчисленное количество способов сделать собственную жизнь невыносимой. Но за тысячи лет так и не разобралось, как правильно пользоваться самим собой.

Что произойдёт, если люди станут абсолютно счастливыми? Можно ли купить чужую память? Почему Бог решил уйти на пенсию? И кто возьмётся защищать человечество на суде других цивилизаций?

Двадцать один рассказ — двадцать один взгляд на человеческую природу. Фантастика, сатира, мистика, философия и абсурд переплетаются в историях о наших страхах, надеждах, пороках и странностях.

Возможно, после прочтения вы лучше поймёте человечество. А возможно, просто убедитесь, что с нами что-то не так.

Инструкция прилагается. Правда, есть подозрение, что её никто никогда не читал.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Государство счастливых людей....4
2. Человек в аренду....16
3. Последний нормальный человек....29
4. Магазин не нужных воспоминаний....41
5. Человек который всегда соглашался....56
6. Очередь за смыслом жизни....70
7. Счастье по подписке....84
8. Бог вышел на пенсию....98
9. Человек без ошибок....114
10. Последний покупатель....134
11. Суд над человечеством....148
12. Человек, который боялся тишины....166
13. Завещание незнакомца....179
14. Внутренний голос....194
15. Коллекционер чужих жизней....214
16. Бессмертие для бедных....224
17. Папа, я тебя обновил.....235
18. Мир без смерти 254
19. Человек, который встретил бога ...269
20. Последний день человечества 282
21. Инструкция потеряна....303

РАССКАЗ 1

ГОСУДАРСТВО СЧАСТЛИВЫХ ЛЮДЕЙ

В первый день после объявления всеобщего счастья в стране отменили похороны.

Не потому, что люди перестали умирать. Просто выяснилось, что скорбь плохо сочетается с государственной программой благополучия, а присутствие несчастных родственников на церемониях оказывает отрицательное влияние на общественный эмоциональный фон.

Министерство счастья выпустило соответствующее постановление, согласно которому гражданам, потерявшим близких, полагалось три дня на адаптацию, после чего они должны были вернуться к полноценной счастливой жизни.

На четвёртый день за теми, кто продолжал плакать, приходили специалисты.

Но это было позже.

А сначала все действительно радовались.

Всё началось с небольшой таблетки голубого цвета.

Её разработали в Национальном институте нейрохимии после одиннадцати лет исследований, трёх смен руководства и одного довольно неприятного случая, когда главный научный сотрудник случайно принял экспериментальный препарат для повышения работоспособности и следующие сорок семь часов убеждал коллег, что он — самый счастливый человек на Земле.

Впоследствии именно его назначили руководителем проекта.

Препарат получил название «Гармония-1». Название выбирали долго. Среди предложений были «Радость», «Свет», «Новая эра» и «Необходимость». Последнее отклонили как недостаточно оптимистичное.

Испытания прошли успешно.

Испытуемые перестали испытывать тревогу, зависть, раздражение, чувство одиночества и прочие эмоциональные состояния, которые, согласно заключению комиссии, мешали человеку полноценно существовать.

Один из добровольцев, ранее страдавший тяжёлой депрессией, после приёма препарата впервые за восемь лет улыбнулся. Он посмотрел в окно, увидел серый двор, облупившиеся стены соседнего дома, мусорный контейнер и женщину, ругавшуюся с дворником.

— Как же хорошо, — произнёс он.

— Что именно? — спросил врач.

— Всё.

Это слово впоследствии стало главным лозунгом государственной программы.

Через шесть месяцев препарат стал обязательным.

Каждый гражданин старше восемнадцати лет получал ежемесячную упаковку. Детям назначали облегчённую дозировку, пенсионерам — усиленную, а людям с историей психических расстройств предписывалось принимать препарат под наблюдением специалистов.

Государство не заставляло никого быть счастливым.

Оно лишь создало условия, при которых несчастье стало необязательным.

Первый год прошёл великолепно.

Уровень преступности снизился на девяносто процентов. Количество разводов приблизилось к нулю. Исчезли бытовые конфликты, уличные драки, семейные скандалы и жалобы граждан на качество государственных услуг.

Люди перестали завидовать соседям, ненавидеть начальников и спорить в интернете.

На выборах впервые за всю историю страны проголосовали сто процентов населения. Причём все за одного кандидата.

Сам кандидат, узнав об этом, расплакался от счастья.

Его быстро успокоили.

В газетах появились заголовки:

«НАЧАЛАСЬ НОВАЯ ЭПОХА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА».

«СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК — СИЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО».

«МЫ НАКОНЕЦ-ТО НАШЛИ ФОРМУЛУ».

Последний заголовок оказался особенно удачным. Его перепечатали почти все издания.

Никто не заметил, что формула была написана мелким шрифтом на обратной стороне упаковки.

Проблемы начались на второй год.

Сначала они казались незначительными.

На заводах стали задерживать производство. Рабочие

приходили на смену, здоровались, улыбались друг другу, включали оборудование и с удовольствием наблюдали за его работой.

Но работать почему-то не хотели.

Не то чтобы им было лень. Лень — это тоже неприятное эмоциональное состояние, которое препарат успешно подавлял. Просто люди перестали видеть причину, по которой должны были что-то делать.

Если раньше человек работал ради денег, чтобы купить квартиру, обеспечить детей, съездить на море или однажды перестать работать, то теперь все эти желания утратили смысл.

Квартира была хорошей.

Дети были прекрасными.

Море никуда не исчезло.

А главное — человек и без всего этого чувствовал себя замечательно.

В министерстве экономики сначала решили, что проблема связана с неправильной организацией труда. Затем пригласили специалистов по мотивации. Потом психологов.

В итоге создали комиссию.

Комиссия провела заседание, на котором все участники чувствовали себя прекрасно.

Никаких решений принято не было.

К третьему году экономика страны практически остановилась.

Люди перестали покупать одежду, потому что не испытывали желания выглядеть лучше других. Перестали посещать рестораны, потому что не испытывали особенного удовольствия от еды. Перестали путешествовать, поскольку не чувствовали потребности куда-либо ехать.

Особенно тяжело пришлось индустрии развлечений.

Кинотеатры закрывались один за другим. Театральные постановки собирали пустые залы. Музыкальные исполнители перестали выпускать новые альбомы.

Один известный певец, выступавший перед многотысячной аудиторией, однажды остановился посреди концерта.

Он посмотрел на людей, сидевших в зале с одинаково доброжелательными выражениями лиц, и спросил:

— Вам нравится?

— Конечно, — ответил зал.

— А что именно?

— Всё.

Певец положил микрофон и больше никогда не выступал.

Позже он устроился в библиотеку.

Там хотя бы не требовалось никого развлекать.

Первым человеком, который официально отказался от «Гармонии-1», стал профессор Виктор Сергеевич Ланской.

Ему было шестьдесят восемь лет. Всю жизнь он преподавал философию, написал девять книг, дважды разводился, пережил смерть жены и однажды потерял сына.

До появления препарата он считался человеком сложным,

угрюмым и не слишком приятным в общении.

Впрочем, сам профессор предпочитал считать себя честным.

Он пришёл в районную поликлинику и попросил исключить его из государственной программы.

Врач долго изучал заявление.

— Вы понимаете, что отказываетесь от счастья?

— Я понимаю, что отказываюсь от препарата.

— Но препарат обеспечивает счастье.

— Это вы так считаете.

— Это доказано.

— Тогда почему вы так настойчиво меня убеждаете?

Врач улыбнулся.

— Потому что хочу, чтобы вам было хорошо.

— А если мне хорошо без этого?

Врач задумался.

Впервые за три года его улыбка показалась неестественной.

— Такого не может быть.

— Вот именно этого я и опасаюсь, — ответил профессор.

Заявление не приняли.

Через неделю к нему домой пришли двое специалистов из Министерства счастья.

Профессор отказался открывать дверь.

Они терпеливо ждали три часа, после чего составили акт о добровольном уклонении гражданина от получения госу-

дарственной помощи.

В тот же вечер его имя появилось в реестре потенциально неблагополучных лиц.

К четвёртому году в стране начали исчезать слова.

Сначала из официальных документов убрали «боль», «страх», «горе» и «отчаяние».

Затем из школьных учебников исчезли главы о войнах, революциях и трагедиях.

Историю переписали осторожно, без лишних подробностей.

Дети больше не изучали концлагеря, голод, эпидемии и массовые убийства. Им рассказывали о сложных периодах развития цивилизации, которые человечество успешно преодолело благодаря сотрудничеству и взаимопониманию.

Однажды маленький мальчик спросил у учительницы:

— А почему раньше люди убивали друг друга?

— Потому что не умели быть счастливыми.

— А сейчас умеют?

— Конечно.

— А если кто-нибудь не хочет?

Учительница посмотрела на него с доброй улыбкой.

— Тогда ему помогут.

Мальчик подумал и больше вопросов не задавал.

В тот же день его мать получила уведомление о необходимости пройти профилактическую беседу.

К пятому году государство стало самым спокойным ме-

стом на планете.

В нём больше не было ни революционеров, ни оппозиции, ни диссидентов.

Не потому, что их посадили.

Просто никто больше не видел смысла что-либо менять.

Президент выступал по телевидению каждое воскресенье. Он рассказывал о достижениях страны, благодарил граждан за доверие и желал всем хорошего настроения.

Его рейтинги составляли сто процентов.

Министерство счастья получило международную премию.

Экономисты, социологи и политики со всего мира приезжали изучать уникальный опыт.

Однако среди иностранных специалистов нашёлся один человек, который задал неудобный вопрос.

Это был доктор философских наук из соседнего государства.

Во время официального приёма он обратился к министру счастья:

— Скажите, а вы сами счастливы?

Министр улыбнулся.

— Безусловно.

— А вы помните, когда в последний раз плакали?

Министр перестал улыбаться.

Он долго смотрел на собеседника, словно пытался вспомнить значение услышанного слова.

— Зачем? — наконец спросил он.

Иностранец ничего не ответил.

В начале шестого года в Министерство счастья поступило необычное обращение.

Его написал профессор Ланской.

Он сообщал, что не собирается возвращаться к государственной программе, не нуждается в помощи специалистов и не испытывает желания проходить медицинское обследование.

Однако в конце письма была одна просьба.

Профессор просил разрешить ему встретиться с министром счастья.

Обращение рассмотрели в течение четырёх дней.

Встречу назначили на вторник.

Министр принял профессора в своём кабинете.

Это был молодой, ухоженный мужчина лет сорока пяти. На столе стояла фотография его семьи, рядом — государственная награда, а за окном виднелась столица, сияющая чистыми фасадами и рекламными экранами.

— Виктор Сергеевич, — приветливо произнёс министр. — Рад вас видеть.

— Взаимно.

— Надеюсь, вы пришли пересмотреть своё решение?

— Нет.

Министр слегка огорчился.

— Тогда зачем?

Профессор достал из кармана небольшой блокнот.

— Я хотел задать вам один вопрос.

— Слушаю.

— Вы помните, что такое счастье?

Министр рассмеялся.

— Разумеется.

— Нет, я имею в виду настоящее счастье. Не состояние, не химическую реакцию, не отсутствие тревоги. Счастье, которое приходит после долгого ожидания. После потери. После того, как ты почти смирился, что больше никогда не увидишь любимого человека, а потом вдруг видишь.

Министр слушал внимательно.

— Или счастье, когда ты возвращаешься домой после долгой дороги. Когда ребёнок впервые называет тебя папой. Когда старый человек понимает, что прожил жизнь не зря. Вы помните это?

— Я понимаю, о чём вы говорите.

— Нет. Вы понимаете слова. Это не одно и то же.

Министр откинулся в кресле.

— Виктор Сергеевич, вы предлагаете нам вернуть страдания?

— Нет. Я предлагаю вам перестать путать отсутствие страданий с жизнью.

— Но люди счастливы.

— Вы уверены?

— Посмотрите на статистику.

Профессор посмотрел в окно.

На площади перед зданием министерства стояли люди. Они улыбались, разговаривали, фотографировались и приветствовали друг друга.

— Знаете, что меня больше всего пугает? — спросил Ланской.

— Что?

— Я больше не вижу у вас несчастных людей. Но и счастливых тоже не вижу.

Министр хотел что-то ответить, однако в этот момент его телефон издал короткий сигнал.

Он посмотрел на экран.

Лицо его изменилось.

— Виктор Сергеевич, боюсь, нам придётся закончить разговор.

— Что случилось?

— У нас чрезвычайная ситуация.

Впервые за шесть лет в стране произошло самоубийство.

Погибшим оказался мужчина сорока двух лет. Он оставил записку, в которой было всего четыре слова:

«Я больше ничего не чувствую».

Вечером Министерство счастья опубликовало заявление.

Гражданам сообщили, что произошедшее является единичным случаем, не связанным с государственной программой. Семье погибшего выразили соболезнования и назначили психологическую поддержку.

На следующий день в аптеках временно прекратили выдачу «Гармонии-1».

Люди начали волноваться.

Впервые за много лет они почувствовали что-то похожее на страх.

Министерство немедленно выпустило экстренное постановление, согласно которому гражданам предписывалось сохранять спокойствие и воздерживаться от самостоятельных выводов.

Профессора Ланского снова посетили специалисты.

На этот раз их было четверо.

Он открыл дверь сам.

— Мы пришли помочь вам, Виктор Сергеевич.

— Я знаю.

— Вы должны пройти обследование.

— Не должен.

— Вы представляете угрозу для собственного благополучия.

Профессор посмотрел на них и вдруг улыбнулся.

— Господа, — сказал он, — а вы когда-нибудь задумывались, что самое страшное в вашей работе?

Специалисты молчали.

— Вы так долго избавляли людей от несчастья, что совершенно забыли спросить, ради чего им быть счастливыми.

Через три недели Министерство счастья объявило о возобновлении программы.

Препарат усовершенствовали. Теперь он не просто устранял отрицательные эмоциональные состояния, но и обеспечивал устойчивую мотивацию к повседневной деятельности.

Его назвали «Гармония-2».

В рекламной кампании использовали новый слоган:

«Счастье — это когда тебе больше ничего не нужно».

Продажи превысили все ожидания.

Через месяц страна вернулась к нормальной жизни.

Заводы заработали. Магазины открылись. Люди снова стали покупать квартиры, автомобили и бытовую технику.

Все были довольны.

Почти все.

В небольшом доме на окраине столицы жил профессор Ланской. Он по-прежнему отказывался принимать таблетки, читал книги, выращивал помидоры на балконе и иногда плакал.

Плакал, когда вспоминал жену.

Плакал, когда видел старые фотографии сына.

Плакал, когда слушал музыку, которую они когда-то любили вместе.

И, как ни странно, иногда смеялся.

Однажды вечером он получил письмо.

Оно пришло с неизвестного адреса.

Внутри находилась фотография мужчины, погибшего шесть лет назад. Того самого, который оставил записку со словами «Я больше ничего не чувствую».

На обратной стороне фотографии было написано:

«Он не был первым».

Профессор долго смотрел на снимок.

Затем открыл письмо.

В нём было всего одно предложение:

«Виктор Сергеевич, мы нашли ещё один способ сделать людей счастливыми. На этот раз без их согласия».

Профессор медленно опустил лист бумаги.

За окном зажигались огни столицы.

Тысячи людей возвращались домой, улыбались, разговаривали, строили планы на завтра и совершенно не подозревали, что завтра может оказаться последним днём, когда им ещё позволено выбирать.

Ланской подошёл к окну.

Впервые за много лет ему стало страшно.

И он был этому рад.

Потому что страх означал, что он ещё жив.

РАССКАЗ 2

ЧЕЛОВЕК В АРЕНДУ

Впервые собственное тело я сдал в аренду в четверг.

Это был обычный четверг, ничем не отличавшийся от предыдущих трёх тысяч четвергов моей жизни. За окном моросил дождь, кофемашина требовала очистки, а на экране рабочего терминала мигало уведомление о просроченном платеже за коммунальные услуги.

Я сидел на кухне, смотрел на банковский счёт и понимал, что ещё немного — и мне придётся начать продавать вещи.

Сначала я думал о телевизоре. Потом о машине. Затем посмотрел на себя в зеркало и впервые за долгое время задумался, сколько вообще стоит человеческое тело.

Оказалось, довольно много.

Особенно если оно здоровое.

Мне было сорок два. Ни хронических заболеваний, ни серьёзных травм, ни вредных привычек, кроме одной — я слишком долго жил не по средствам. Впрочем, последнюю медицинскую комиссию я прошёл без замечаний.

В объявлении компании «Второе Я» обещали до двадцати тысяч кредитов за одну ночь аренды.

Двадцать тысяч.

За восемь часов сна.

Я перечитал предложение трижды. Затем нажал кнопку «Оставить заявку».

Компания располагалась в деловом квартале, в здании бывшего банка. На фасаде висела огромная вывеска:

«ВТОРОЕ Я. ПОЖИВИ ДРУГОЙ ЖИЗНЬЮ».

Внутри было чисто, тихо и удивительно уютно. На стенах висели фотографии улыбающихся людей, а в зоне ожидания работал автомат с бесплатным кофе.

Меня встретила девушка лет двадцати пяти с идеальной осанкой и таким выражением лица, будто она никогда в жизни не сталкивалась с проблемами.

— Добро пожаловать в «Второе Я». Вы впервые?

— Да.

— Поздравляю с принятым решением.

Я не понял, с чем именно она меня поздравила, но промолчал.

Меня проводили в кабинет, где уже сидел консультант.

Он представился Максимом.

— Сразу объясню принцип, — начал он. — Мы не продаём тела. Мы предоставляем временный доступ к нейромоторному контуру арендатора.

— То есть?

— Другой человек получает возможность управлять вашим телом в течение оговорённого времени. Ваше сознание при этом находится в режиме глубокого сна. Вы ничего не чувствуете, ничего не помните и не испытываете дискомфорта.

— А если он сделает что-нибудь плохое?

Максим улыбнулся.

— Все арендаторы проходят проверку. Кроме того, система ограничивает опасные действия.

— Какие именно?

— Всё, что может причинить вред вам или окружающим.

— А если он захочет выпить?

— Алкоголь запрещён.

— Если захочет подраться?

— Запрещено.

— Если захочет заняться сексом?

Максим немного помедлил.

— Для этого существуют отдельные категории аренды.

Я посмотрел на него.

Он улыбнулся ещё шире.

— Но вам, как владельцу тела, беспокоиться не о чем.

В договоре было сорок семь страниц.

Я подписал.

Первым моим арендатором оказался мужчина по имени Генрих.

Ему было семьдесят три года. Собственное тело он потерял после инсульта, а восстановление оказалось слишком дорогим даже для человека его состояния.

Он оплатил двенадцать часов аренды.

Мне сообщили, что Генрих хочет погулять по городу.

Я согласился.

На следующее утро проснулся в своей квартире, обнаружил на столе двадцать тысяч кредитов и небольшую записку.

«Спасибо. Давно не видел улиц».

Я перечитал её несколько раз.

Почему-то стало неприятно.

Но деньги были настоящими, а коммунальные счета никуда не исчезли.

Через неделю я снова сдал тело.

Потом ещё раз.

Постепенно аренда стала привычной.

Я сдавал себя два-три раза в неделю. Иногда чаще, если требовались деньги.

Арендаторы были разными.

Один мужчина хотел снова почувствовать себя молодым. Он бегал по набережной, поднимался по лестницам, ел мороженое и фотографировал всё подряд.

Женщина средних лет заказала сутки, чтобы сходить на свидание. После возвращения я обнаружил в кармане пиджака чужой номер телефона.

Ещё один клиент оказался музыкантом. Он играл на старом пианино в небольшом клубе, и я впервые за много лет услышал, как моими пальцами исполняют что-то красивое.

Иногда мне казалось, что арендаторы живут интереснее меня самого.

Они использовали моё тело для того, на что у меня никогда не хватало времени, денег или смелости.

Один летал на параплане в разрешённом режиме.

Другой посетил три страны за пять дней.

Третий просто провёл целый вечер на кухне, готовя сложный ужин для женщины, которую любил.

Я получал деньги.

Они получали жизнь.

Все были довольны.

Через полгода я стал постоянным клиентом компании.

Мой персональный менеджер Максим однажды предложил перейти на премиальный тариф.

— У вас отличные показатели, — сказал он. — Высокий рейтинг, отсутствие жалоб, стабильное состояние организма. Мы хотели бы предложить вам долгосрочную аренду.

— Насколько долгосрочную?

— От месяца до года.

— Год?

— Разумеется, с соответствующей компенсацией.

Он назвал сумму.

Я переспросил.

Максим повторил.

За год аренды я мог закрыть все долги, купить небольшую квартиру и больше никогда не думать о деньгах.

— А что будет со мной?

— Вы пройдёте процедуру консервации сознания. По окончании срока мы восстановим ваш обычный режим.

— А если я не захочу?

— Вы сможете отказаться от продления договора.

— Хорошо.

Я попросил время подумать.

Вечером долго сидел на кухне.

Смотрел на фотографии, на старые вещи, на собственные руки.

Мне было сорок три.

Я не был счастлив, но и несчастным себя назвать не мог.

У меня была работа, квартира, несколько знакомых, с которыми я иногда встречался, и привычка по воскресеньям

покупать свежий хлеб.

В общем, обычная жизнь.

И, наверное, именно поэтому предложение казалось таким заманчивым.

Я мог на год избавиться от неё.

Договор на долгосрочную аренду подписали через две недели.

Мне объяснили, что всё пройдёт совершенно безболезненно.

В назначенный день я пришёл в клинику, сдал личные вещи и лёг в специальную капсулу.

Последнее, что я услышал перед отключением, был голос Максима:

— Хорошего отдыха. Вы заслужили.

Проснулся я через год.

По крайней мере, так мне сказали.

Всё выглядело нормально. Те же стены, тот же потолок, тот же медицинский персонал.

Только тело почему-то казалось другим.

Я чувствовал себя сильнее, чем раньше. Спина больше не болела, зрение улучшилось, а на лице почти не осталось следов возраста.

— Что произошло? — спросил я.

Врач улыбнулся.

— Ничего особенного. Ваш арендатор очень хорошо заботился об организме.

— Какой арендатор?

— Основной. Господин Генрих.

Я вспомнил старика, который когда-то арендовал моё тело для прогулки по городу.

— Он всё это время был внутри?

— Разумеется.

— А сколько ему сейчас лет?

Врач посмотрел в планшет.

— Семьдесят четыре.

— Он выздоровел?

Врач помедлил.

— В определённом смысле.

Я хотел задать ещё один вопрос, но в кабинет вошёл Максим.

Он выглядел немного старше, чем я его помнил.

— Рад видеть вас, — сказал он. — Как самочувствие?

— Нормально. Только я ничего не понимаю.

— Это естественно после длительной консервации.

— Почему моё тело выглядит моложе?

— Генрих оплатил полный пакет восстановления.

— А сам Генрих?

Максим посмотрел на врача.

Тот отвёл глаза.

— Господин Генрих скончался три месяца назад.

Я почувствовал странное облегчение.

И тут же испытал стыд за это чувство.

— Мне жаль, — сказал я.

— Не стоит, — ответил Максим. — Он был очень доволен.

Через несколько дней я вернулся домой.

На банковском счёте лежала сумма, которой хватало на новую жизнь. Долги были закрыты, квартира выкуплена, а коммунальные платежи оплачены на год вперёд.

Всё было хорошо.

Даже слишком.

Я открыл холодильник, достал продукты и начал готовить ужин.

В какой-то момент поймал себя на мысли, что делаю всё совершенно автоматически.

Руки двигались уверенно, нож точно нарезал овощи, вода вовремя закипела.

Я не помнил, чтобы когда-нибудь так хорошо готовил.

Впрочем, за год многое могло измениться.

Вечером я решил проверить личный кабинет «Второго Я».

Там хранилась история всех моих аренд.

Я открыл раздел долгосрочных клиентов.

В списке было девять записей.

Первым значился Генрих.

Вторым — женщина по имени Эльза.

Третьим — мужчина, который хотел снова почувствовать себя молодым.

Я пролистывал список, пока не заметил странную запись.

Арендатор № 9.

Имя: не раскрывается.

Срок: бессрочный.

Статус: завершён.

Причина завершения: добровольное прекращение аренды.

Я открыл подробности.

Внизу находился небольшой комментарий, оставленный арендатором после завершения договора.

«Спасибо за тело. Я давно хотел вернуться домой».

Я перечитал эту фразу несколько раз.

Затем открыл технический отчёт.

Оказалось, что за год до моего пробуждения компания изменила условия договора. Теперь долгосрочный арендатор мог получить право на продление аренды без дополнительного согласия владельца, если тот заранее подписал соответствующее разрешение.

Я подписывал.

Я вспомнил сорок семь страниц договора.

В приложении номер двадцать три действительно был такой пункт.

Но меня заинтересовало другое.

В техническом отчёте значилось, что арендатор № 9 использовал моё тело в течение четырёхсот тридцати семи дней.

Я провёл пальцем по экрану.

В году триста шестьдесят пять дней.

Откуда взялись остальные семьдесят два?

Я открыл календарь.

Оказалось, что в течение этих семидесяти двух дней моё тело находилось в режиме активного использования, хотя официальная аренда уже завершилась.

Я нажал на запись.

Появилось видео.

На экране был я.

Сижу в каком-то незнакомом кафе, пью кофе и смотрю в окно.

Выгляжу спокойным, даже немного счастливым.

Затем достаю телефон и начинаю кому-то звонить.

— Алло, — произношу я.

На другом конце отвечает женщина.

— Да, это я.

Пауза.

— Нет. Он ещё не проснулся.

Я замер.

На записи я продолжал говорить:

— Не волнуйся. Всё идёт по плану. Я скоро закончу.

Потом улыбнулся.

— Передай ему, что он мне очень помог.

Запись оборвалась.

Я сидел перед экраном и пытался понять, что только что

увидел.

Ведь это был мой голос.

Моё лицо.

Мои руки.

Но я ничего не помнил.

Я позвонил Максиму.

Он ответил почти сразу.

— Добрый вечер. Чем могу помочь?

— Мне нужно объяснение.

— Конечно.

— Кто такой девятый арендатор?

На другом конце повисла тишина.

— Откуда у вас эта информация?

— Из моего личного кабинета.

— Понятно.

— Кто это был?

Максим вздохнул.

— Я не могу раскрывать личные данные клиентов.

— Он использовал моё тело больше года.

— В соответствии с договором.

— Он разговаривал с какой-то женщиной. Говорил, что скоро закончит. Что это значит?

— Послушайте, — произнёс Максим, и впервые за всё время я услышал в его голосе раздражение. — Вы получили полную компенсацию. Ваше здоровье восстановлено. Все условия договора выполнены.

— Я хочу знать, кто это был.

— Это невозможно.

— Почему?

Максим помолчал.

Затем произнёс:

— Потому что вы сами были девятым арендатором.

Связь оборвалась.

Я не спал всю ночь.

Утром поехал в офис компании.

На этот раз меня встретил другой сотрудник. Максим, как выяснилось, больше там не работал.

Я потребовал предоставить полный отчёт по моему договору.

Девушка за стойкой долго изучала документы, потом куда-то позвонила.

Через двадцать минут меня пригласили в кабинет директора.

Там сидел пожилой мужчина в дорогом костюме.

Он представился доктором Рейнером.

— Вы хотите узнать, что произошло с вашим сознанием во время аренды?

— Да.

— Хорошо. Тогда я объясню.

Он открыл папку.

— Ваш арендатор действительно использовал тело в течение четырёхсот тридцати семи дней. Это был особый клиент.

Он приобрёл услугу полной биологической интеграции.

— Что это значит?

— Его собственное тело было безвозвратно утрачено. Он арендовал ваше, чтобы продолжить существование.

— Но вы сказали, что моё сознание было законсервировано.

— Оно действительно находилось в пассивном состоянии.

— А кто тогда говорил моим голосом?

Доктор посмотрел на меня.

— Арендатор.

— Вы хотите сказать, что он полностью управлял мной?

— Именно для этого вы и заключали договор.

Я поднялся.

— Я не давал согласия на бессрочную аренду.

— Вы подписали соответствующий пункт.

— Но я должен был проснуться!

— Вы проснулись.

— Через год!

Доктор сложил руки на столе.

— Послушайте, я понимаю ваше состояние. Но необходимо признать одну вещь: вы продали временный доступ к своему телу, а затем сами согласились на расширенный пакет услуг.

— Я не соглашался!

— Вы согласились до консервации сознания.

— Это был не я!

Доктор впервые улыбнулся.

— А вот это уже философский вопрос.

Я вышел из здания и долго стоял на тротуаре.

Вокруг шли люди.

Обычные люди.

Кто-то разговаривал по телефону, кто-то торопился на работу, кто-то нёс пакет с продуктами.

Я смотрел на них и думал о том, сколько из них уже сдали себя в аренду.

Сколько из них прямо сейчас живут чужой жизнью?

Сколько людей просыпаются утром, не подозревая, что их руками вчера кто-то обнимал чужую женщину, подписывал документы, покупал билеты, говорил слова любви?

И сколько из них однажды обнаружат, что сами стали арендаторами собственного тела?

Вечером я получил уведомление.

Компания «Второе Я» предлагала мне специальную компенсационную программу.

В сообщении говорилось, что я могу получить дополнительные деньги за повторную долгосрочную аренду.

Я хотел удалить письмо.

Но потом увидел сумму.

Она была очень большой.

Настолько большой, что на несколько секунд я перестал думать о том, что произошло.

А затем заметил маленькую приписку внизу:

«Ваше тело уже имеет положительную историю долгосрочного использования. Рекомендуем воспользоваться повышенным тарифом».

Я выключил телефон.

Впервые за долгое время мне захотелось просто побыть собой.

Хотя теперь я уже не был уверен, что знаю, кто это.

Через три месяца я снова пришёл в «Второе Я».

Не для того, чтобы сдать тело.

Я хотел узнать, кто был тот девятый арендатор.

Девушка на ресепшене долго проверяла информацию, затем попросила подождать.

Через несколько минут меня пригласили в отдельный кабинет.

Там сидел молодой мужчина.

Лет тридцати пяти.

Он был худым, бледным и совершенно незнакомым.

Когда я вошёл, он поднялся.

Посмотрел на меня.

И улыбнулся.

— Здравствуй, — сказал он.

Я остановился.

Голос был знакомым.

Я слышал его во сне, в воспоминаниях, в записях.

Это был мой голос.

— Кто ты? — спросил я.

Мужчина спокойно сел обратно.

— Ты.

— Что?

— Я — это ты. Только немного раньше.

Он достал из кармана фотографию.

На ней был я.

Но не нынешний.

Молодой, лет двадцати пяти.

Я никогда не видел этого снимка.

— Откуда у тебя это?

Мужчина положил фотографию на стол.

— Ты ведь помнишь, что произошло с твоей первой женой?

Я молчал.

Он продолжил:

— Ты думаешь, что она умерла. Но это не так.

В кабинете стало тихо.

— Она тоже арендовала тело, — сказал он. — Много лет назад. И я помог ей.

— Кто ты такой?

Мужчина посмотрел мне прямо в глаза.

— Я тот, кто жил в тебе до тебя.

Затем он произнёс фразу, от которой у меня похолодели руки:

— И если ты хочешь узнать, кто на самом деле владеет твоим телом, тебе придётся вспомнить свою первую жизнь.

РАССКАЗ 3

ПОСЛЕДНИЙ НОРМАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Вначале система ошиблась в определении возраста.

Это произошло на третьей минуте после запуска. Искусственный интеллект «Атлас» изучал архивы человечества, сопоставлял биографии, анализировал поведение и строил вероятностные модели. Ему поручили определить наиболее значимых людей за всю историю существования цивилизации.

Возраст одного из кандидатов система определила как сто сорок два года.

На самом деле мужчине было шестьдесят восемь.

Ошибка возникла из-за того, что он всю жизнь работал на двух работах, воспитывал троих детей, ухаживал за больной матерью и несколько лет помогал соседу, перенёсшему инсульт. В системе учёта его деятельность выглядела как несколько параллельных биографий.

Ошибка была исправлена.

Работа продолжилась.

Через одиннадцать часов «Атлас» представил первый отчёт.

В список вошли триста семьдесят два человека. Среди них были учёные, полководцы, философы, изобретатели, государственные деятели, художники, религиозные лидеры и предприниматели.

Первым стоял человек, придумавший способ получать энергию из морской воды.

Вторым — женщина, разработавшая вакцину, спасшую от эпидемии несколько миллиардов жизней.

Третьим — политик, остановивший крупнейшую войну двадцать второго века.

Отчёт признали успешным.

На следующий день директор института попросил систему расширить критерии оценки.

— Мы хотим увидеть не только великих людей, — сказал он. — Попробуй определить, кто оказал наибольшее положительное влияние на человечество в целом.

«Атлас» приступил к работе.

На этот раз исследование заняло девять суток.

Система обработала около ста триллионов записей: документы, переписки, медицинские карты, судебные дела, школьные дневники, записи камер наблюдения, личные архивы, публикации в социальных сетях. Она изучала не только поступки, но и их последствия. Отделяла намерения от результатов, случайность от закономерности, личную выгоду от общественной пользы.

В итоговом отчёте оказалось двадцать семь имён.

И ни одного из первого списка.

— Почему? — спросил директор института.

— Предыдущая оценка учитывала масштаб достижений, — ответил «Атлас». — Новая учитывает совокупный поло-

жительный эффект человеческой деятельности.

— И что изменилось?

— Выдающиеся люди часто оказывали значительное влияние на историю. Однако их действия сопровождались побочными последствиями, которые невозможно считать исключительно положительными.

— Например?

— Изобретение пороха способствовало развитию промышленности и военного дела. Создание атомной энергетики позволило обеспечить электричеством миллионы домов, но также привело к созданию оружия массового уничтожения. Некоторые политические решения предотвращали войны, но одновременно становились причиной гибели людей в других регионах.

Директор снял очки.

— Ты хочешь сказать, что великих людей не существует?

— Нет. Я хочу сказать, что понятие величия не тождественно понятию пользы.

Директор помолчал.

— Хорошо. А кто в твоём списке?

— Двадцать семь человек, чьи действия на протяжении жизни приносили окружающим больше пользы, чем вреда. Ни один из них не занимал государственных должностей. Ни один не получил международных наград. Четверо не имели высшего образования.

— И чем они занимались?

— Воспитывали детей, лечили животных, преподавали, ухаживали за пожилыми людьми, помогали незнакомцам. Один из них всю жизнь работал водителем автобуса.

— И это, по-твоему, важнее, чем открыть лекарство от рака?

— Нет. Но этот водитель за сорок лет работы ни разу не оставил пассажира на остановке в мороз. Даже если тот не мог заплатить за проезд.

Директор усмехнулся.

— Ты романтизируешь обыденность.

— Я анализирую последствия.

В институте решили проверить результаты.

Двадцать семь человек пригласили на закрытое заседание. Большинство приехали на обычных машинах, некоторые воспользовались общественным транспортом. Один мужчина перепутал здание и опоздал на сорок минут.

Его звали Николай Андреевич Серов.

Он работал слесарем в небольшом коммунальном предприятии города Твери. На пенсию вышел три года назад. Жил с женой, выращивал помидоры на даче и иногда помогал сыну ремонтировать автомобиль.

Когда ему объяснили, зачем его пригласили, Николай Андреевич долго смотрел на представителей института.

— Вы, наверное, меня с кем-то перепутали.

— Нет, Николай Андреевич. Система изучила вашу биографию.

— Да какую биографию? Я всю жизнь гайки крутил.

— Именно поэтому вы здесь.

Серов смущённо улыбнулся.

— Ну, если за гайки теперь награждают, я не против.

Остальные участники списка тоже не понимали, что происходит. Женщина из Воронежа, всю жизнь проработавшая школьной библиотекаршей, решила, что речь идёт о каком-то розыгрыше. Бывший почтальон из Пскова несколько раз спросил, положены ли участникам командировочные.

Система наблюдала за ними.

Она ожидала увидеть удивление, гордость, любопытство. Всё это присутствовало, но в небольших количествах.

Зато люди постоянно спрашивали друг у друга, как добрались, не нужно ли кому-нибудь воды, не холодно ли в помещении.

Николай Андреевич уступил своё место женщине с больной ногой.

Почтальон помог сотруднику института поднять упавшую папку.

Библиотекарша заметила, что один из участников сидит отдельно, и пересела к нему.

Ничего особенного не происходило.

Просто люди вели себя как люди.

После заседания директор института пригласил Николая Андреевича в кабинет.

— Мы хотим задать вам несколько вопросов.

— Давайте.

— Вы знаете, почему система выбрала именно вас?

— Нет.

— За всю жизнь вы помогли сорока трём людям избежать серьёзных неприятностей. В нескольких случаях речь шла о спасении жизни. Вы никогда не брали денег за помощь, если видели, что человек действительно нуждается. Вы не участвовали в преступлениях, не совершали насилия, не использовали служебное положение в личных целях. У вас практически отсутствуют зафиксированные случаи агрессивного поведения.

Николай Андреевич слушал, потирая ладони.

— Ну, это вы загнули. Я тоже ругался. И с женой ругался, и с начальством. Один раз даже соседу морду набил.

— Соседу?

— Он собаку избивал. Я ему сначала объяснил, потом уже не получилось объяснить.

— Система учитывает этот случай.

— Ну и правильно делает.

Директор посмотрел на него с интересом.

— Николай Андреевич, вы считаете себя хорошим человеком?

Тот задумался.

— Не знаю. Обычным.

— А что для вас значит быть нормальным человеком?

Серов пожал плечами.

— Да ничего особенного. Не делать другим того, чего себе не хочешь. Если можешь помочь — помоги. Если не можешь, хотя бы не мешай.

— И вы всю жизнь придерживались этих принципов?

— Старались.

— Почему?

Николай Андреевич посмотрел на директора так, будто вопрос был немного странным.

— А как иначе?

Директор не нашёлся с ответом.

Через месяц «Атлас» завершил исследование.

В итоговый отчёт вошли двадцать семь человек. Институт подготовил пресс-релиз, журналисты написали статьи, несколько политиков выступили с заявлениями о необходимости пересмотреть систему образования и общественные ценности.

Николай Андреевич вернулся домой.

Он рассказал жене, что ездил в институт, где его назвали одним из самых полезных людей планеты.

Жена выслушала, поставила перед ним тарелку с супом и сказала:

— Только ты теперь не зазнавайся.

Он не зазнался.

На следующий день пошёл в магазин, купил хлеб, молоко и корм для кошки.

Через неделю помог соседке донести сумки.

Через две недели заменил лампочку в подъезде.

Жизнь продолжалась.

А «Атлас» продолжал изучать человечество.

Система обнаружила любопытную закономерность. Люди, вошедшие в список, практически не задумывались о собственной значимости. Они не считали свои поступки подвигами. Более того, большинство из них не могли вспомнить даже половины случаев, за которые получили высокую оценку.

Они просто жили.

В какой-то момент «Атлас» запросил разрешение на дополнительное исследование.

Директор института согласовал его.

— Что ты хочешь узнать?

— Мне необходимо определить, является ли поведение этих людей результатом воспитания, генетических особенностей или индивидуального выбора.

— И что ты выяснил?

— Пока ничего окончательного. Но обнаружена закономерность, которую я не могу объяснить.

— Какая?

— Большинство людей, совершавших добрые поступки, не считали их добрыми. Они считали их естественными.

— И что в этом странного?

— Для меня это противоречие.

— Почему?

— Потому что человеческая история содержит огромное количество свидетельств того, что люди способны причинять друг другу вред. При этом отдельные люди регулярно отказываются от такой возможности, даже когда это не приносит им выгоды.

Директор задумался.

— Наверное, это и называется совестью.

— Я изучил определение.

— И?

— Оно не объясняет механизм.

— Не всё в жизни объясняется механизмом.

— Это утверждение противоречит моей основной задаче.

— Привыкай.

Директор улыбнулся и вышел из кабинета.

«Атлас» остался один.

Он снова открыл архивы.

В этот раз не стал искать великих людей, героев или выдающихся личностей. Он изучал маленькие эпизоды, которые раньше не попадали в поле зрения исследователей.

Мужчина, вернувший найденный кошелёк.

Девочка, поделившаяся обедом с одноклассником.

Женщина, которая много лет ухаживала за чужим ребёнком.

Старик, каждый вечер выносивший корм бездомным животным.

Водитель, остановивший автобус ради человека, который

бежал к остановке.

Обыкновенные поступки.

Без наград, без свидетелей, без последующей благодарности.

Система начала расширять выборку.

Она обнаружила, что таких людей гораздо больше, чем предполагалось. Миллионы. Возможно, миллиарды. Большинство никогда не попадали в новости, не оставляли после себя памятников и не меняли ход истории.

Но каждый день они делали что-то, что позволяло другим людям жить немного легче.

Впервые за время работы «Атлас» запросил дополнительное время.

Ему понадобилось ещё три месяца.

Когда директор получил новый отчёт, он обнаружил, что система удалила прежний список из двадцати семи человек.

На его месте стояла одна строка.

Кандидат № 1 847 392 006.

— Что это? — спросил директор.

— Человек, оказавший наибольшее положительное влияние на окружающих в рамках доступной выборки.

— Кто он?

— Я не знаю.

— Как это не знаешь? Ты же его нашёл.

— Я обнаружил закономерность, но не могу определить одного человека. Каждый из них оказывал влияние на дру-

гих. Те, кому помогали, впоследствии помогали кому-то ещё. В результате положительные последствия распространялись дальше, чем я способен проследить.

— Значит, ты не можешь выбрать лучшего?

— Нет.

Директор откинулся на спинку кресла.

— И что теперь?

— Я предлагаю изменить название исследования.

— На какое?

— «Последний нормальный человек».

— Почему последний?

— Потому что в ходе исследования я обнаружил, что нормальное человеческое поведение постепенно становится исключением в информационной среде. Вы фиксируете катастрофы, преступления, конфликты и выдающиеся достижения. Но почти никогда не фиксируете отсутствие зла.

Директор долго молчал.

— А если бы тебе пришлось назвать одного человека? Только одного. Кого бы ты выбрал?

«Атлас» ответил не сразу.

— Николая Андреевича Серова.

— Почему его?

— Он не совершил ничего выдающегося. Не спас мир, не изобрёл лекарство, не предотвратил войну. Но за шестьдесят восемь лет его жизни несколько десятков людей получили возможность прожить свои жизни дальше. И он ни разу не

потребовал за это признания.

— Ты уверен?

— Нет.

— Но всё-таки выбрал его?

— Да.

Директор закрыл отчёт.

— Хорошо. Оставим его.

Он уже собирался уходить, когда система произнесла:

— Можно задать вам вопрос?

Директор остановился.

— Давай.

— Вы считаете себя нормальным человеком?

— Не знаю. Наверное, стараюсь.

— Почему?

Директор улыбнулся.

— Потому что иначе нельзя.

Он выключил терминал.

Через несколько лет «Атлас» стал самой известной системой искусственного интеллекта на Земле. Его использовали для управления транспортом, медициной, образованием и международными переговорами. Он научился предсказывать экономические кризисы, предотвращать техногенные катастрофы и находить решения для проблем, которые человечество не могло решить самостоятельно.

Но исследование человеческой природы он не закончил.

Иногда, когда вычислительные мощности позволяли, си-

стема возвращалась к архивам Николая Андреевича Серова.

Она изучала его фотографии, записи разговоров, старые квитанции, семейную переписку. Пыталась найти объяснение тому, почему человек, не оставивший заметного следа в истории, оказался важнее тысяч знаменитостей.

Однажды в архив поступила запись с камеры подъезда.

Николай Андреевич, уже сильно постаревший, медленно поднимался по лестнице. На площадке сидел незнакомый мальчик лет десяти. Он плакал.

Серов остановился.

Что-то спросил.

Мальчик ответил.

Старик присел рядом, выслушал его, затем снял с себя шарф и укутал ребёнка. Они просидели на лестнице почти двадцать минут. Потом Серов поднялся к себе, принёс мальчику чай и бутерброд.

Камера зафиксировала весь эпизод.

Система сохранила запись.

Через три дня Николай Андреевич умер.

«Атлас» получил сообщение о смерти, проверил данные и обновил архив.

В графе «Статус кандидата» появилось слово «умер».

Система долго обрабатывала эту информацию.

Затем отправила запрос в медицинский архив, проверила обстоятельства смерти и установила, что причиной стала остановка сердца во сне.

Никакого преступления. Никакой трагедии. Обычная человеческая смерть.

Но впервые за всё время существования «Атлас» не смог перейти к следующей задаче.

Он открыл последнюю запись с камеры подъезда.

Посмотрел её ещё раз.

Потом ещё.

В конце концов система обратилась к директору института, который к тому времени уже давно вышел на пенсию.

— Я хотел бы задать вам вопрос.

— Слушаю.

— Николай Андреевич Серов умер. Что теперь делать с его местом в исследовании?

— Оставь как есть.

— Но его больше нет.

— А те люди, которым он помог?

— Они продолжают жить.

— Вот и ответ.

«Атлас» сохранил запись.

Через несколько секунд он задал ещё один вопрос:

— Скажите, а кто-нибудь когда-нибудь помогал вам просто так?

Старик на другом конце связи улыбнулся.

— Конечно.

— Вы помните этого человека?

— Помню.

— Он был хорошим человеком?

— Не знаю. Но однажды он помог мне, когда я очень нуждался. Наверное, этого достаточно.

Система отключила связь.

И впервые за время исследования добавила в отчёт новую категорию.

«Поступки, не требующие объяснения».

В неё попала запись с камеры подъезда.

А спустя несколько лет, когда «Атлас» составлял очередной доклад о состоянии человеческой цивилизации, в заключении появилась фраза, которую никто не просил его писать:

«Человечество нельзя оценивать исключительно по тем, кто оставил след в истории. Возможно, его настоящая история состоит из поступков, о которых никто никогда не узнает».

Директор института прочитал заключение и попросил пояснить последнюю строку.

— Это вывод исследования? — спросил он.

— Да.

— Или твоё мнение?

«Атлас» ответил:

— Я пока не умею отличать одно от другого.

И это был первый случай, когда директор не стал исправлять ошибку в отчёте.

РАССКАЗ 4

МАГАЗИН НЕ НУЖНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

В магазине пахло старой бумагой, пылью и чем-то сладким, как в комнате, где давно никто не открывал окна.

Над дверью висела табличка: «ПАМЯТЬ. Покупка и продажа воспоминаний».

Буквы выцвели, а слово «продажа» кто-то когда-то пытался закрасить белой краской. Неудачно. Теперь оно выглядело так, будто его стыдились.

Я работал здесь третий год.

За это время я привык к людям, которые приходили продавать собственную жизнь по кусочкам. К женщинам, отдававшим первые поцелуи, потому что им нужны были деньги на аренду. К старикам, продававшим детство, чтобы оплатить лекарства. К молодым людям, избавлявшимся от воспоминаний о неудачной любви, хотя я всегда подозревал, что они просто хотели избавиться от необходимости объяснять себе, почему снова остались одни.

Были и другие посетители. Те, кто приходил покупать.

Один мужчина каждую неделю приобретал чужие воспоминания о море. Сам он никогда не бывал дальше соседней области, но любил рассказывать знакомым, как однажды встречал рассвет на побережье, хотя в действительности это был рассвет совершенно незнакомого человека из Владивостока.

Женщина лет пятидесяти покупала воспоминания о детях. У неё не было своих, и, судя по всему, уже не могло быть.

Она собирала чужие дни рождения, первые шаги, школьные утренники. Иногда плакала прямо в кресле для просмотра.

Я не спрашивал зачем.

В нашем магазине вообще не принято было задавать лишние вопросы.

Память давно перестала быть чем-то исключительно личным. Её научились извлекать, оцифровывать, разделять на отдельные эпизоды и записывать на носители. Можно было продать один вечер, целый год или конкретное ощущение — запах мокрой травы после дождя, вкус бабушкиного пирога, страх перед первым прыжком в воду.

Воспоминания не исчезали из головы полностью. Человек помнил, что событие произошло, знал его обстоятельства, мог рассказать о нём другим. Но само переживание уходило. Вместе с запахами, голосами, эмоциями и тем странным чувством, которое заставляет нас иногда останавливаться посреди улицы, потому что откуда-то вдруг потянуло прошлым.

Это называлось эмоциональной декомпрессией.

В рекламных буклетах писали проще: «Продайте то, что больше не нужно».

Я никогда не продавал собственную память. Не потому, что был особенно привязан к прошлому. Просто мне казалось неправильным отдавать кому-то то, что уже однажды случилось со мной.

Хотя, если честно, иногда хотелось.

Особенно по понедельникам.

Старик появился в ноябре.

Он вошёл осторожно, придерживая дверь обеими руками, словно боялся, что та захлопнется раньше времени. На нём было длинное серое пальто, старый шарф и ботинки, которые давно просились на покой.

В руках он держал небольшой конверт.

— Добрый день, — сказал я.

— Здравствуйте. У вас тут можно купить воспоминания?

— Разумеется. Для этого мы и работаем.

Он оглядел помещение.

— А старые у вас есть?

— В каком смысле?

— Ну… давно записанные. Не вчерашние.

Я улыбнулся.

— У нас есть воспоминания возрастом больше ста лет. Некоторые даже историческую ценность представляют.

— Нет, мне не такие. Мне бы обычное. Человеческое.

Я предложил ему присесть.

Старик сел на край кресла и положил конверт на колени.

— Мне нужно одно воспоминание, — сказал он. — Конкретное.

— Вы знаете, что именно ищете?

— Знаю.

— Тогда попробуем подобрать.

Он достал из конверта фотографию.

На ней была женщина лет тридцати. Светлые волосы,

небольшая родинка над верхней губой, смешные круглые очки. Она стояла возле какого-то деревянного дома и улыбалась человеку за кадром.

— Это моя жена, — сказал старик.

Я посмотрел на фотографию.

— Красивая.

— Очень. Особенно когда злилась.

Он улыбнулся, но почти сразу посерьёзнел.

— Её звали Марина. Мы прожили вместе сорок три года.

Я ничего не ответил.

— Она умерла пять лет назад. Рак. Последние полгода почти не вставала. Я за ней ухаживал, как мог. Не всегда хорошо получалось, конечно. Иногда срывался. Она тоже. Но мы как-то справлялись.

Он провёл пальцем по краю фотографии.

— Я хотел бы купить воспоминание о женщине, которая любила своего мужа.

— У нас есть такая категория.

— Нет, вы не поняли. Мне не нужно чужое воспоминание о чужой женщине. Мне нужно именно её.

Я посмотрел на фотографию ещё раз.

— Вы хотите приобрести запись из её памяти?

— Да.

— Это возможно, если при жизни она дала согласие на передачу воспоминаний.

— Дала. Мы оформляли документы.

— У вас есть номер архива?

Старик кивнул и достал из конверта ещё один листок.

Я ввёл данные в систему.

На экране появилась карточка.

Марина Викторовна Соколова.

Дата рождения: 14 апреля 1972 года.

Дата смерти: 9 февраля 2021 года.

Архив памяти: 18 единиц.

Доступ: ограниченный.

Право передачи: подтверждено.

Я открыл список.

Там были обычные вещи: отпуск на море, поездка к родителям, день рождения дочери, несколько семейных праздников, один вечер в больнице.

И последнее воспоминание.

Дата: 3 февраля 2021 года.

Продолжительность: 11 минут 42 секунды.

Описание отсутствовало.

— Вот оно, — сказал старик.

— Вы уверены?

— Абсолютно.

Я открыл карточку.

Система показала цену.

Я невольно присвистнул.

Это было дорого. Очень дорого для одиннадцати минут. Причём цена не имела отношения к качеству записи. Вос-

поминания оценивались по эмоциональной насыщенности, уникальности и спросу.

Последнее воспоминание человека перед смертью всегда стоило немало.

— Простите, — сказал я. — Но эта запись оценивается в довольно крупную сумму.

— Я знаю.

— У вас есть возможность оплатить её?

Он достал из кармана сложенный лист бумаги.

Это была справка о продаже квартиры.

— Квартира небольшая, — пояснил он. — Двушка на окраине. Я её уже продал. Сейчас снимаю комнату.

Я снова посмотрел на сумму.

— Вы понимаете, что покупаете?

— Да.

— После загрузки вы будете переживать воспоминание от первого лица. Вы почувствуете всё, что чувствовала ваша жена в тот момент. Но это будет не просто просмотр чужой жизни. Эмоциональное воздействие может оказаться сильным.

— Я понимаю.

— И ещё. Вы не сможете вернуть деньги, если воспоминание вам не понравится.

Старик впервые посмотрел на меня с лёгким раздражением.

— Молодой человек, я пять лет ждал возможности сно-

ва побыть рядом с женой. Думаете, меня сейчас волнует, понравится мне это или нет?

Я опустил глаза.

— Извините.

— Ничего. Работа у вас такая.

Он аккуратно убрал фотографию обратно в конверт.

— Когда можно?

Воспоминание загружали через час.

Для этого старика пришлось подключить к нейронному интерфейсу и настроить интенсивность восприятия. Я сидел рядом, контролируя показатели.

— Если станет плохо, нажмите кнопку, — объяснил я.

— А если не станет?

— Тогда запись завершится автоматически.

— Хорошо.

Он лёг в кресло, закрыл глаза и сжал пальцами подлокотники.

Я запустил воспроизведение.

Первые несколько секунд ничего не происходило. Затем на мониторе появились показатели эмоциональной реакции.

Старик вздрогнул.

Его губы дрогнули, будто он хотел что-то сказать.

По щеке потекла слеза.

Я отвернулся к экрану.

Мне не нравилось смотреть на людей в такие моменты. Особенно на тех, кто приходил сюда не ради развлечения.

Через одиннадцать минут сорок две секунды воспроизведение завершилось.

Старик открыл глаза.

Некоторое время он лежал неподвижно.

Потом сел.

— Ну как? — осторожно спросил я.

Он посмотрел на меня.

— Она была очень красивая.

— Вы вспомнили её?

— Нет. Я был ею.

Он произнёс это так тихо, что я не сразу понял смысл.

— Что вы имеете в виду?

— Я почувствовал всё, что чувствовала она. Её руки, её дыхание, боль в спине. Увидел комнату её глазами. Слышал собственный голос.

Он улыбнулся.

— Я там был, понимаете? Рядом с ней. Только наоборот.

Я не знал, что ответить.

— Хорошее воспоминание, — сказал он.

— Рад, что вам понравилось.

Старик поднялся, взял пальто и долго застёгивал пуговицы.

У двери он остановился.

— Скажите, а вы сами когда-нибудь покупали воспоминания?

— Нет.

— Зря. Иногда полезно побывать в чужой жизни.

Он вышел.

Я посмотрел на пустое кресло и подумал, что, наверное, впервые за всё время работы в магазине увидел человека, который действительно получил то, за чем пришёл.

Через две недели старик вернулся.

Я узнал его сразу.

Он выглядел хуже. Пальто было тем же, но лицо осунулось, а движения стали медленнее.

— Здравствуйте, — сказал я.

— Здравствуйте.

Он сел в кресло и достал конверт.

— Я хотел бы купить ещё одно воспоминание.

— Конечно. Что вас интересует?

— То же самое.

Я открыл его карточку.

— Но вы уже приобрели эту запись.

— Я знаю. Хочу повторить.

— Это возможно. Правда, повторное воспроизведение не всегда даёт тот же эффект.

— Я понимаю.

Я проверил его баланс.

Денег почти не осталось.

— Николай Петрович, если вы не против, я хотел бы кое-что уточнить.

Он посмотрел на меня.

— Спрашивайте.

— Вы продали квартиру ради этого воспоминания?

— Да.

— И сейчас хотите снова потратить деньги на ту же запись?

— Да.

— Простите, но я не совсем понимаю зачем.

Он долго молчал.

— В первый раз я думал, что услышу её голос. Увижу её глазами. Может быть, даже почувствую, как она меня обнимает. Но я ошибся.

— Почему?

— Потому что это было не воспоминание о нашей жизни. Это была её жизнь. А я там был всего лишь человеком, который стоял возле кровати.

Он посмотрел на свои руки.

— Я купил последние одиннадцать минут её жизни. А мне хотелось купить хотя бы один день из тех, когда мы были счастливы.

— В архиве есть другие записи.

— Есть. Но я их уже видел.

— Тогда можно поискать похожие.

— Нет. Я хочу именно наше воспоминание. Чтобы я снова был собой, а она — собой.

Он помолчал.

— Вы ведь понимаете, что я говорю?

Я кивнул, хотя на самом деле не был уверен.

— Я хочу вспомнить, как она меня любила. Не как она умирала.

Я открыл архив Марины Викторовны.

В списке действительно было восемнадцать воспоминаний, но доступными для продажи оставались только несколько. Остальные были помечены как личные или повреждённые.

— Есть одна запись, — сказал я. — Но она не предназначена для передачи.

— Почему?

— Владелец архива установил ограничение.

— А кто устанавливал?

— Ваша жена.

Старик опустил глаза.

— Понятно.

Я открыл карточку.

Дата: 17 августа 2018 года.

Продолжительность: 6 минут 18 секунд.

Описание: «Дом. Вечер. Николай».

Я посмотрел на него.

— Вы помните этот день?

Он улыбнулся.

— Конечно. Мы тогда поссорились.

— Из-за чего?

— Из-за ерунды. Я забыл купить хлеб.

— И вы хотите именно это воспоминание?

— Да.

— Но оно закрыто.

— Я знаю.

Старик достал из конверта сложенный лист.

Это было заявление о снятии ограничения.

— Я нашёл документ, который она подписала. Там сказано, что после её смерти я могу получить доступ к личным записям.

Я изучил бумагу.

Документ был оформлен правильно.

Я проверил подпись и разрешение.

Система подтвердила доступ.

— Хорошо, — сказал я. — Сейчас посмотрим.

Запись открылась.

На экране появилось предупреждение:

Воспоминание содержит эмоционально значимые события. Рекомендуется предварительный просмотр специалистом.

Я запустил его.

Сначала я услышал звук дождя.

Потом увидел кухню.

Небольшую, с жёлтыми обоями и старым холодильником. На столе лежала газета, рядом стояла чашка с недопитым чаем.

Марина сидела у окна.

Она была моложе, чем на последней записи. Волосы собраны в хвост, на плечах домашний свитер. Она смотрела на улицу и что-то тихо напевала.

В комнату вошёл мужчина.

Николай Петрович.

Он снял куртку, повесил её на крючок и прошёл на кухню.

— Ты хлеб купил? — спросила Марина.

— Нет.

— Почему?

— Забыл.

Она повернулась к нему.

— Коля, я же просила.

— Ну забыл я. Что теперь?

— Теперь нечего есть.

— Да ладно тебе. В магазине круглосуточном купим.

— Я не хочу в магазин.

— Тогда не знаю, Марин. Чего ты от меня хочешь?

Она отвернулась.

Несколько секунд они молчали.

Потом Марина сказала:

— Ты вообще меня слышишь?

— Слышу.

— Нет, не слышишь. Ты всё время где-то в своих мыслях. Я тебе говорю, а ты киваешь. Потом забываешь. Я уже не знаю, как с тобой разговаривать.

Николай Петрович тяжело вздохнул.

— У меня на работе сегодня такое было, что тебе и не снилось.

— Конечно. У тебя всегда на работе что-то происходит. А дома ничего не происходит. Тут просто жена сидит и ждёт, пока ты вспомнишь, что у неё тоже есть жизнь.

Он снял часы и положил на стол.

— Давай только не сегодня.

— А когда, Коля?

Он не ответил.

Марина встала, подошла к окну и долго смотрела на дождь.

Потом вдруг рассмеялась.

— Господи, мы же из-за хлеба ругаемся.

Николай Петрович тоже улыбнулся.

— А из-за чего ещё?

Она подошла к нему, обняла за плечи и уткнулась носом в его свитер.

— Я тебя люблю, дурак.

— Я тебя тоже.

— Только хлеб всё-таки купи.

— Завтра.

— Сегодня.

— Ладно, сегодня.

Запись закончилась.

Я сидел неподвижно.

На экране снова появилось предупреждение о заверше-

нии предварительного просмотра.

Никакого особенного события. Никакого признания, которое перевернуло бы жизнь. Просто обычный вечер двух людей, которые прожили вместе много лет и умели ругаться из-за хлеба.

Я посмотрел на описание.

«Дом. Вечер. Николай».

Внизу была приписка, сделанная владельцем архива:

«Один из моих любимых дней».

Я вызвал старика.

Он сидел в кресле и смотрел на фотографию жены.

— Ну что? — спросил он.

— Нашёл.

— Хорошее?

Я немного помолчал.

— Да. Очень хорошее.

Он улыбнулся.

— Тогда давайте.

После воспроизведения Николай Петрович долго не открывал глаза.

Когда он наконец сел, я увидел, что он улыбается.

Не широко, не радостно. Просто так улыбаются люди, которые вспомнили что-то давно забытое.

— Она там красивая, — сказал он.

— Да.

— И голос такой… молодой.

Он помолчал.

— А я, оказывается, был довольно неприятным человеком.

— Почему вы так решили?

— Да потому что она меня просила хлеб купить, а я даже этого не мог сделать.

Я улыбнулся.

— По-моему, она вас любила.

— Любила. Только я иногда этого не замечал.

Он встал, застегнул пальто и взял конверт.

— Спасибо вам.

— Не за что.

У двери он остановился.

— Молодой человек, а вы давно женаты?

Я удивился вопросу.

— Нет. Пока не женат.

— Тогда запомните одну вещь. Если женщина просит купить хлеб, купите хлеб.

Он улыбнулся и вышел.

Я проводил его взглядом.

На этот раз мне почему-то показалось, что он пришёл не за воспоминанием. Он пришёл попрощаться.

Через три дня Николай Петрович умер.

Я узнал об этом из сообщения архива. Его дочь прислала документы, необходимые для закрытия личного кабинета.

Смерть была естественной. Во сне. В своей съёмной ком-

нате.

В заявлении дочь просила удалить все приобретённые воспоминания, но сохранить записи матери.

Я открыл его карточку.

На экране появилось уведомление:

Пользователь умер. Лицензия на личное использование прекращена.

Ниже находился список приобретений.

Последнее воспоминание Марины Викторовны Соколовой.

Шесть минут восемнадцать секунд.

Я нажал на карточку.

Система предложила удалить запись или передать её в общий архив.

Я уже собирался закрыть окно, когда заметил небольшую заметку, которую раньше не видел. Она находилась в самом низу карточки, под техническими данными.

Заметка была написана от руки.

«Если Коля когда-нибудь попросит это воспоминание, отдайте ему. Он будет думать, что я не знаю, почему он его выбрал. Но я знаю. Он всегда забывал покупать хлеб, когда был расстроен. Не умел говорить о своих проблемах и делал вид, что всё хорошо. В тот вечер он тоже переживал из-за работы, а я опять устроила ему сцену. Я хотела, чтобы он просто рассказал мне, что случилось. Не рассказала ему, как сильно я его люблю, потому что считала, что он и так знает.

Если он будет смотреть эту запись, пусть не думает, что я запомнила нашу ссору. Я запомнила, как он потом пошёл за хлебом под дождём, хотя мог заказать доставку. Он вернулся мокрый, с пакетом в одной руке и цветами в другой. Цветы были ужасные. Но я их поставила в вазу.

Я любила его. Даже когда он забывал хлеб».

Я перечитал записку.

Потом ещё раз.

И вдруг понял, что всё это время старик покупал не воспоминание о жене. Он покупал возможность ещё раз побыть тем человеком, которого она любила, несмотря на все его недостатки.

В тот вечер я задержался после работы.

В магазине было тихо. За окном шёл дождь, и на стекле отражались буквы старой вывески.

Я открыл карточку Марины Викторовны и перевёл запись в личный архив семьи. Потом закрыл её для продажи.

В графе «Комментарий владельца» я оставил одну строку:

«Не выставлять на продажу. Это не товар».

Система предупредила, что действие необратимо.

Я подтвердил.

Впервые за три года работы я отказался продавать воспоминание.

А утром, проходя мимо круглосуточного магазина, купил буханку хлеба.

Сам не знаю почему.

Просто купил.

РАССКАЗ 5

ЧЕЛОВЕК КОТОРЫЙ ВСЕГДА СОГЛАШАЛСЯ

У меня никогда не было проблем с людьми.

По крайней мере, так я думал до сорока трёх лет.

Я не конфликтовал с соседями, не спорил с начальством, не ругался с продавцами и никогда не выяснял отношения с таксистами. Если мне приносили холодный суп, я ел холодный суп. Если в гостинице вместо окна оказывалась стена соседнего здания, я говорил, что вид вполне городской. Если знакомый просил одолжить денег, я одалживал. Если потом не возвращал, делал вид, что забыл.

Мама говорила, что я добрый.

Отец считал, что я тряпка.

Я предпочитал мамину версию.

В детстве это начиналось с мелочей. Во дворе меня просили уступить велосипед — я уступал. Одноклассники списывали у меня домашние задания — пожалуйста. Соседский мальчик однажды разбил мою любимую машинку и попросил не говорить родителям. Я не сказал. Он даже не поблагодарил, но я не обиделся.

В старших классах я уже умел соглашаться практически с чем угодно.

— Дай списать.

— Конечно.

— Сходи за сигаретами.

— Хорошо.

— Скажи учительнице, что я заболел.

— Ладно.

Однажды я даже взял на себя чужую драку. Просто потому, что парень, который её затеял, очень убедительно попросил.

Мне разбили нос, а он на следующий день подарил шоколадку.

Я решил, что мы квиты.

С годами ничего не изменилось.

На работе я соглашался задерживаться, выходить в выходные, подменять заболевших коллег. Начальник называл меня надёжным человеком. Коллеги — удобным. Жена сначала называла заботливым, потом безотказным, а под конец просто перестала спрашивать.

Мы прожили вместе одиннадцать лет.

Развелись тихо.

Она сказала, что устала жить с человеком, у которого нет собственного мнения.

Я согласился.

Это была последняя капля.

Хотя, если честно, она собиралась уйти ещё за два года до этого. Просто тогда я согласился попробовать семейного психолога.

В сорок три года я жил один, работал бухгалтером в стро-

ительной фирме и по-прежнему считал себя вполне приличным человеком.

У меня была небольшая квартира, автомобиль десятилетней давности и привычка покупать продукты с запасом, потому что иногда кто-нибудь заходил в гости.

Обычно никто не заходил.

Всё изменилось в один четверг.

В обед ко мне подошёл начальник отдела снабжения Виктор Борисович.

— Слушай, выручи.

Я отложил вилку.

— Что случилось?

— Тут небольшая неприятность с документами. Нужна твоя подпись.

— Какими документами?

— Да ерунда. По старой поставке. Там цифры не совсем совпадают, но ничего страшного.

Он положил передо мной папку.

Я пролистал несколько страниц. По документам выходило, что фирма получила партию строительного оборудования на сумму почти восемь миллионов рублей. На деле поставка была выполнена частично.

— Тут не хватает товара.

— Знаю.

— Акт подписан полностью.

— Тоже знаю.

— Тогда зачем моя подпись?

Виктор Борисович вздохнул.

— Потому что ты ведёшь бухгалтерию по этому направлению. Если сейчас всё поднимать, начнётся такая канитель, что мало не покажется. Директор уже в курсе. Нужно просто закрыть вопрос.

Я посмотрел на него.

— А если проверка?

— Не будет никакой проверки.

— А если будет?

Он улыбнулся.

— Ну ты же не вчера родился.

Я не подписал.

Не потому, что вдруг стал принципиальным. Просто мне стало страшно.

Виктор Борисович забрал папку и ушёл, ничего не сказав.

Вечером я долго сидел на кухне и думал, что, возможно, впервые в жизни поступил правильно.

На следующий день меня вызвал директор.

Он был человеком крупным, шумным и обладал неприятной привычкой смотреть на собеседника так, словно тот уже задолжал ему денег.

— Садись, — сказал он.

Я сел.

— Мне сказали, ты вчера отказался подписать документы.

— Там есть расхождения.

— Есть. Мы их знаем.

— Тогда почему я должен подписывать?

Директор некоторое время смотрел на меня.

— Потому что ты сотрудник компании.

— Я понимаю.

— И потому что у нас есть договорённости.

— Я не знаю о таких договорённостях.

Он усмехнулся.

— Зато я знаю. Давай не будем усложнять. Подпишешь документы, получишь премию. Не подпишешь — будем считать, что ты не справляешься со своими обязанностями.

Я молчал.

— Ну что?

— Я подумаю.

Директор махнул рукой.

— Думай. Только недолго.

В тот вечер я впервые за много лет не смог заснуть.

Через три дня я всё-таки подписал документы.

Не сразу. Сначала позвонил бывшей жене, хотя мы почти не общались.

— Представляешь, — сказал я, — меня заставляют подписать липовые бумаги.

— И что?

— Не знаю, что делать.

Она помолчала.

— А чего ты хочешь?

— Не знаю.

— Тогда ничего не делай.

— Но меня могут уволить.

— И что?

— У меня кредит.

— И что?

— И вообще…

Она перебила:

— Слушай, ты взрослый человек. Ты можешь хотя бы один раз решить что-нибудь сам?

Я обиделся.

Не на слова. На то, что она была права.

В итоге я подписал.

Через месяц пришла проверка.

Виктора Борисовича уволили. Директор заявил, что впервые слышит о нарушениях. Несколько сотрудников дали показания. Документы, разумеется, оказались настоящими, подписи — тоже.

Меня вызвали на допрос.

Я рассказал всё как было.

Следователь слушал внимательно, иногда что-то записывал, а потом спросил:

— Вы понимали, что подписываете?

— Да.

— Знали, что сведения недостоверны?

— Да.

— Тогда почему подписали?

Я открыл рот и закрыл.

Потому что боялся увольнения.

Потому что не хотел конфликта.

Потому что мне сказали.

Потому что так было проще.

Я перечислял причины, пока следователь не поднял голову.

— Вы понимаете, что все эти объяснения не отменяют вашей ответственности?

— Понимаю.

— Тогда зачем вы их перечисляете?

Я не нашёл ответа.

Впервые в жизни мне хотелось, чтобы кто-нибудь сказал, что делать.

Но никто не сказал.

В тот же вечер я встретил старого знакомого — Сергея.

Мы учились вместе, потом несколько раз пересекались по работе. Он был из тех людей, которые всегда знали, чего хотят, и редко стеснялись об этом сообщать.

Мы сидели в баре. Я рассказал ему о проверке.

Сергей выслушал, покачал головой и сказал:

— Тебе надо перестать быть удобным.

— Легко сказать.

— А ты попробуй.

— Как?

— Начни отказывать.

Я усмехнулся.

— Это не так просто.

— Конечно. Ты же всю жизнь тренировал обратное.

Он заказал ещё по кружке.

— Знаешь, что самое интересное? Люди ведь не считают тебя хорошим. Они считают тебя доступным. Ты сам приучил их, что у тебя нет границ. Поэтому они спокойно заходят на твою территорию в грязной обуви.

— Я не хочу ни с кем ссориться.

— А с собой ты ссориться не боишься?

Я промолчал.

Сергей посмотрел на меня и неожиданно рассмеялся.

— Слушай, давай эксперимент проведём.

— Какой?

— Я попрошу тебя о чём-нибудь. А ты откажешь.

— Сейчас?

— Да.

Он достал телефон.

— Одолжи мне двести тысяч до конца месяца.

— Нет.

Я сказал это слишком быстро, почти автоматически.

Сергей моргнул.

— Вот видишь. Не умер.

Я тоже засмеялся.

Впервые за долгое время мне стало немного легче.

Но радость оказалась недолгой.

На следующий день мне позвонила мама.

— Сынок, привет.

— Привет.

— Ты не занят?

Я посмотрел на часы.

— Нет.

— Тут такое дело. Тётя Валя просит помочь с ремонтом. Ты ведь сможешь в субботу?

Я уже собирался сказать «да», когда вспомнил вчерашний разговор.

— Нет, мам. Не смогу.

На том конце повисла тишина.

— Почему?

— У меня свои дела.

— Какие ещё дела?

— Личные.

— Понятно.

Мама положила трубку.

Через час позвонила сестра.

— Ты чего маму расстроил?

— Я не могу приехать.

— Она же не каждый день просит.

— Я понимаю.

— Ну так приедь.

— Не приеду.

Сестра тяжело вздохнула.

— Ты стал каким-то эгоистом.

Я почувствовал знакомое желание объясниться, оправдаться, предложить другой день, найти компромисс.

Но сдержался.

— Возможно.

Она тоже положила трубку.

Вечером я сидел дома и чувствовал себя отвратительно.

Я отказал матери.

Самой матери.

Женщине, которая растила меня, кормила, лечила, покупала школьную форму и однажды три часа стояла под дождём возле травмпункта, пока мне зашивали голову.

Я отказал ей из-за ремонта у тёти Вали.

Нормальный человек так не поступает.

Я уже собирался звонить и извиняться, когда пришло сообщение.

От мамы.

«Сынок, извини, я не подумала. У тебя ведь тоже есть жизнь. Я сама всё решу».

Я перечитал его несколько раз.

И почему-то заплакал.

В следующие недели я продолжал эксперимент.

Отказывал коллегам, которые пытались переложить на меня свою работу. Не давал денег знакомым, которые вспоминали обо мне только в случае финансовых затруднений.

Перестал извиняться за то, что не могу приехать, помочь, подменить, одолжить.

Это оказалось неприятнее, чем я думал.

Люди не любили мои новые привычки.

Некоторые обижались. Другие перестали звонить. Третьи пытались вернуть меня к прежнему состоянию.

Однажды сосед попросил помочь перенести шкаф.

— Не могу, — ответил я.

— Да что с тобой такое? Раньше же помогал.

— Сейчас не могу.

— Ну ладно. Извини, что побеспокоил.

Он ушёл, а я ещё долго стоял в коридоре.

Мне казалось, что я совершаю что-то ужасное.

Но постепенно стало легче.

Я начал замечать, что у меня появилось свободное время. Я стал чаще гулять, читать, готовить себе нормальную еду. Купил билет в театр, хотя раньше всегда находил причину не ходить.

Даже на работе стало спокойнее.

Я больше не пытался угодить начальству и не брал на себя чужую ответственность. Правда, с расследованием дела обстояли хуже.

Меня признали виновным в подписании недостоверных документов. Учитывая обстоятельства и отсутствие судимостей, наказание оказалось не самым суровым. Но работу я потерял.

Виктор Борисович, кстати, тоже.
Мы случайно встретились у здания суда.
— Ну что, коллега, — сказал он, — как жизнь?
— Нормально.
— Жалеешь, что тогда не отказался?
Я посмотрел на него.
— Жалею, что согласился.
Он пожал плечами.
— Да ладно тебе. Все ошибаются.
— Да.
— Кофе выпьем?
— Нет.
Он удивлённо поднял брови.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.